

трудовой деятельности. В совокупности это свидетельствует о высокой нерелевантности профессионального поведения молодых людей. Необходимым представляется целенаправленная работа по формированию их профессионально-релевантного поведения на этапе отрочества.

Полученные данные позволяют сделать ряд выводов. Поиск личностной идентичности является одной из целей подросткового возраста. Достижение положительной идентичности способствует принятию себя как уникальной личности, а сформированный образ Я помогает адаптироваться в социуме. Выбор профессии актуализируется у детей перед окончанием школы. Однако вопросы «кем быть» и «куда пойти учиться» подростки задают себе гораздо раньше. Сформированный образ себя в настоящем помогает определить образ себя в будущем, составной частью которого является видение себя как представителя определенной профессии. Обдуманность выбора профессии, однозначность принятого решения и стремление к его реализации обеспечивают эмоциональный комфорт подросткам, что, в свою очередь, способствует их социально-психологической зрелости.

Литература

1. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. – М., 1993. – С. 7–11.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
3. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. – Ростов-на-Дону. 1996. – С. 39.
4. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М., 1990.

И. А. Баева

Проблемы социализации подростка в постсоветском периоде развития России (психологический анализ молодежной субкультуры)

Социальная ситуация развития традиционно рассматривается в отечественной психологической науке как значимый фактор, определяющий динамику и характер психического развития человека. Как отмечают многие исследователи, по отношению к подросткам, их психическому развитию и судьбе, помимо социальной ситуации существенное значение имеют особенности исторического времени, в котором проходит их жизнь. Социокультурная ситуация последних десятилетий характеризуется не только высокой скоростью изменений, но резкими качественными переменами. Как отмечает Д. И. Фельдштейн: «... мы имеем реальные изменения Детства. Изменившееся пространство его функционирования, изменившийся уровень его и социального, и пси-

хофизиологического созревания... Отсюда, ... важно раскрыть особенности социокультурной среды развития Детства, во всей ее многоуровневой представленности, выявив и рассмотрев те факторы этой среды, которые активно воздействуют на детей – от социально-культурной ситуации российского социума в целом до различных отдельных макро- и микросред, в которые включен ребенок» [1, с. 51]

Имеются два основных тезиса:

категория «молодежная субкультура», в той или иной форме, всегда присутствовала в жизни человечества. Развитие человеческого рода невозможно без смены поколений. При этом старшие, заботясь о молодых и о себе, создают условия социализации. Таким образом, некорректно говорить о проблемах подростков и молодежи в отрыве от общей ситуации развития социальной системы, в которую включены все ее участники. Это всегда взаимоотношения «отцов» и «детей». Молодежную субкультуру нельзя рассматривать вне общего контекста социального, экономического, нравственного, социально-психологического уровней развития общества;

психологические механизмы и причины, лежащие в основе поведения молодых людей, неизменны, меняются лишь формы их проявления и возможности удовлетворения потребностей, которые сопровождают путь взросления. Знание их необходимо для создания и совершенствования способов управления процессом социализации молодого поколения, грамотной профилактики рисков и опасностей, которые неизбежны на этом пути.

Дифференциация, выделение возрастов человеческой жизни формируется под влиянием социальных институтов, новых форм общественной жизни. Каждый период истории соответствует определенному «привилегированному» возрасту. В литературе можно найти подтверждение, что детство – это привилегированный возраст 19 века; юность – 20 века. Что происходит в веке 21-м? Сегодня мы затрудняемся назвать даже возрастной период, который соответствует категории «молодежь».

В российской истории отношение к молодым можно охарактеризовать как особую ситуацию. В культуре часто принимались за главные ценности молодых. Это блестяще показано в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети». Остро это проявилось в категории «новые люди» после 1917 года: молодые делали революцию, командовали полками, были комиссарами. Чего стоил известный лозунг: «Дети, воспитайте родителей!» Или язык «комсомольско-молодежной стройки»: «Коммунизм – это молодость мира, и его создавать молодым!»? А воспитание детей в отрыве от родителей, ставшее общественно поощряемой практикой? Слом культурно-исторических и психологических традиций не проходит даром.

Общество всегда искало защитные механизмы от бурной энергии молодого поколения. В Античной Греции молодежь отправляли заво-

евывать новые колонии; в Англии 17–18 веков снаряжали на кораблях в Вест-Индию; в России «недорослей» везли учиться в Европу; в Советском Союзе – молодежь поднимала целину, строила БАМ. Общество всегда направляло агрессию и нигилизм молодых вовне. Социальная миграция молодого поколения в той или иной форме поощрялась всеми культурами, иначе молодая энергия может «сокрушить старые стены».

Линия «эпатажа» присуща юношеству в силу своей природы, так как молодые не хотят быть похожими на взрослых, им больше нравятся отличия (это уже психологическая закономерность), отсюда поведение, нарушающее общепринятые нормы. В биографии многих достойных людей есть экстравагантные поступки. Будущий декабрист Лунин, на спор с товарищами, голый скакал на коне по Невскому проспекту. Сегодня панкующие молодые люди с ирокезами на головах и железными шипами на ошейниках несутся по тем же магистралям на Харлей-Девидсонах. Тот же механизм – шокировать публику, вызвать бурную реакцию, удивить, показать себя.

Юность – это период «вырывания корней», которые надо «пересадить на новую почву»; какой она окажется – вопрос к взрослым, к обществу, к тому, что будет реализовано на практике как «молодежная политика». В этом периоде завершается физическое созревание, складываются основные черты мировоззрения, подготавливается и осуществляется первое самостоятельное самоопределение – выбор профессии. По-прежнему важны вопросы: «Кто «Я»? (социальная сущность) и «Какой «Я»? (психологическая сущность). Мощно развивается механизм самосознания, активизируется ценностно-ориентировочная деятельность. В ранней юности человек становится в позицию наблюдателя по отношению к себе. Часто видит много противоречивого, ответ на главные вопросы невозможен без углубленного самоанализа (если его нет, можно говорить о задержке личностного развития). Еще один важный элемент самосознания – самоуважение – принятие себя, удовлетворение собой как личностью. Его возможно достигать через самоутверждение, которое может быть социально ценным, социально полезным, социально приемлемым, асоциальным, антисоциальным. Учение – недостаточная форма самоутверждения в юности. Необходимо утвердить себя в поведении (право решать); в эмоциональной жизни (право выбирать привязанности); в морально-ценностной сфере (право на собственный взгляд). После детства с его ограничением свободы у юности очень много свободы, «много свободных радикалов»: нет собственной семьи, постоянной работы, жизненного опыта, но есть ощущение уникальности, неповторимости и бесконечности своей жизни.

Подростковый возраст – период развития, на который приходится основной кризис идентичности. Интервал между детством и взросло-

стью, когда человек пытается найти свое место в обществе, был назван И. С. Коном «ролевым мораторием», а Э. Эриксоном – «психологическим мораторием». Человек выходит в мир, но еще не знает как себя в нем вести. Можно попробовать многие роли. «Пробующее поведение» фактически вынужденная форма существования, которая влечет за собой много опасностей (алкоголь, наркотики, другие формы зависимости и т. п.) можно легко социально и нравственно «прогореть». Прохождение кризиса идентичности либо способствует обретению «взрослой идентичности», либо вызывает задержки в развитии, то есть формирует так называемая «диффузная идентичность».

Синдром патологии идентичности:

- это регрессия к инфантильному уровню, желание как можно дольше отсрочить обретение взрослого статуса;
- смутное, но устойчивое состояние тревоги;
- чувство изоляции и опустошенности;
- постоянное пребывание в состоянии ощущения чего-то, что может изменить жизнь;
- страх перед глубоким личностным общением;
- враждебность и презрение ко всем признанным общественным ролям, вплоть до ролей мужчины и женщины («унисекс»);
- агрессия к привычному, иррациональная тяга к «другому», «хорошо там, где нас нет».

Стоять «на ветру» взрослой жизни одному очень трудно, в юности человек нуждается во внешней опоре, хотя в большинстве случаев не признается в этом. Подросток – человек, который вовне демонстрирует максимально противоположное тому, что есть внутри. Вся линия жизненного пути (особенно в его первой половине) может быть образно представлена как отделение от кого-то, чтобы присоединиться к «другому».

В период подростничества «другой» – это группа сверстников, таких же как «Я». Отсюда, разговор о возрастной, в нашем случае, – подростковой субкультуре. Возрастная субкультура – специфический набор признаков и ценностей, по которым представители данного возрастного слоя, или группы, осознают и утверждают себя в качестве отличной от всех остальных возрастных общностей, «Мы». В социологии и культурологии под субкультурой в общем смысле понимается система ценностей, установок, способов поведения и жизненных стилей, которая присуща более мелкой социальной общности, в большей или меньшей степени пространственно и социально обособленной. Субкультурные атрибуты, ритуалы – как устойчивые образцы поведения, а также ценности, как правило, отличаются от таковых в господствующей культуре, хотя с ними и связаны.

Детская социальная жизнь начинается между тремя и пятью годами. Именно в этом возрасте человек осваивает трудную практику взаимодействия с себе подобными.

В подростковом возрасте общение со сверстниками превращается в смысл существования, и группа становится ведущим фактором развития личности, именно она является носителем социальных норм и одобряемых обществом ценностей. Одним из важнейших личностных приобретений человека, регулирующим его поведение, является система ценностных ориентаций, которая также складывается в процессе общения в группе. Ценностные ориентации – важнейшие элементы внутренней структуры личности, закрепленные жизненным опытом индивида, всей совокупностью его переживаний. Они отграничивают существенное и важное для данного человека от несущественного. В силу этого ценностные ориентации выступают важным фактором, обуславливающим мотивацию действий и поступков человека.

Основным содержанием ценностных ориентаций личности выступают ее мировоззренческие, нравственные убеждения, глубокие постоянные привязанности, моральные принципы поведения. Развитые ценностные ориентации – признак зрелости личности, показатель меры ее социальности. Это призма восприятия не только внешнего, но и внутреннего мира индивида. Это психологическое основание для решения в индивидуальном плане вопроса о смысле жизни, благодаря которому происходит интеграция совокупности ценностей в нечто целостное и своеобразное, характерное именно для данной личности. Именно в силу этого в любом обществе ценностные ориентации оказываются предметом воспитания, целенаправленного воздействия. Когда такое целенаправленное воздействие отсутствует, они будут складываться стихийно под воздействием тех образцов, которые существуют в микро- и макросоциальном окружении. В течение последних лет в нашей стране произошли резкие изменения в социальном развитии и одновременно значимое изменение социальных ценностей, что не могло не сказаться как на уровне общественного сознания, так и на индивидуальной системе ценностных ориентаций отдельного человека. На социально-психологическом уровне произошел распад большинства устойчивых социальных групп, которые обеспечивали процесс социализации человека. На конкретного индивида легла ответственность за выбор на всех значимых направлениях жизни и деятельности, а социальная почва, тиражирующая образцы социально-приемлемого поведения и систему мировоззрения, оказалась «выбита из-под ног». Динамический вызов, в условиях которого мы живем, требует целенаправленной перестройки системы воспитания подрастающего поколения с учетом реалий сегодняшнего дня. Особую значимость данная

проблема приобретает в силу того, что большая часть подрастающего поколения в раннем детстве не получила естественного опыта взаимодействия с другими, а новые факторы воздействия (интернет, реклама и др.) не поддаются психолого-педагогическому контролю.

Включенность в группу является внутренней потребностью молодого человека, поэтому идет активный поиск группы как образца для сравнения и как источника социальных норм. Психологическая же активность данного периода связана с постоянной переоценкой ценностей, которая осуществляется в процессе общения с ближайшим социальным окружением.

Остановимся на двух основных социальных опасностях, поджидающих молодого человека в процессе общения со сверстниками это неформальная молодежная субкультура и криминальная субкультура.

Как же влияет молодежная субкультура на изменение личности молодого человека? Что способствует превращению молодежной субкультуры в контркультурную среду?

Одной из форм воплощения молодежной субкультуры являются неформальные молодежные объединения (НМО). НМО – это группа людей, осуществляющих общую деятельность, имеющих специфическую систему ценностей и связанную с ней модель поведения, выразительную систему атрибутов, стиль общения, определяемый сюжетом, ритуалами принятия новичков, посвящения, исключения, особенностями ролевого поведения. Главная функция неформального объединения – стремление к самореализации, субъектному воплощению. Молодежную культуру, как культуру определенной возрастной группы, характеризует эмоционально-нравственное самоутверждение молодежи наряду с поиском развлекательного содержания под воздействием групповых стереотипов отношений, установок и интересов.

«Неформалитет» сегодня – это общность на базе нетрадиционных целей, интересов, потребностей, наличие собственной субкультуры, не интегрируемой, как правило, в официальные социальные институты. Ценностные ориентации, объединяющие участников неформального молодежного объединения, часто не совпадают с принятыми в обществе, а иногда открыто ему противостоят. Именно ценности, прежде всего, и трансформируются в сознании человека.

Какова динамика и содержание таких изменений? Для ответа на данный вопрос нужны массовые психологические исследования, которые пока не проводятся. Можно лишь однозначно отметить, что ценности становятся более агрессивными. Подчас чувствуется «опытная рука», которая их транслирует и эксплуатирует для достижения собственных целей определенные психические механизмы развития молодежи, при этом количество экстремистских объединений растет очень быстро.

Что же происходит с взглядом молодого человека на мир? Он меняется, если человек принимает систему ценностей, существующую в неформальном объединении. Конкретный набор ценностных ориентаций различен в каждой из неформальных групп. Сравните: лозунг хиппи «Все, что тебе нужно – это любовь» и панковское «Жизнь – дерьмо. Будущего нет», добавьте сюда ценностные ориентации рокеров или металлистов, экстремистские взгляды «бритоголовых», мировоззрение участников «Ассоциации ролевых игр», а также участников движения ЭМО, для которых свойствен инфантилизм, безумные фантазии и эмоциональная незрелость. На первый взгляд, кажется невозможным говорить о едином направлении изменения ценностей под влиянием участия в контркультурном неформальном молодежном объединении. Но более пристальный анализ позволяет отметить и общие тенденции.

Это, прежде всего, романтизация саморазрушения, «раскраска» обыденности, поддержка и одобрение всех действий, разрывающих связи человека с нормальным социальным окружением, т. е. фактически *отрицание реальности*. Можно говорить об обесценивании жизни как таковой – от ироничного отношения до одобрения суицидального поведения. Можно отметить также и отсутствие временной перспективы, обращенной в будущее. Смысл существования не простирается в будущее, а ограничивается тем, что происходит сейчас, в данный конкретный момент.

Последняя особенность значительно затрудняет возможности адаптации к социальной жизни, у человека нет опоры в будущем, ради чего нужно прилагать усилия и преодолевать препятствия. Добавив сюда механизмы заражения и подражания, облегчающие задачу выделения из окружающей среды, которые активно запускаются в групповой деятельности; стихийный неконформизм юности, мы получаем веские основания для утверждения, что участие в контркультурном неформальном молодежном объединении значимо изменяет систему ценностей молодого человека, воздействуя также на способы поведения, стилевые характеристики общения и т. п.

Еще одним мощным фактором, влияющим на личность и поведение молодого человека, является криминальная субкультура. Возникнув, криминальная субкультура охватывает своим влиянием подрастающее поколение, взламывает официальную культуру, деформируя ее. Особенно важно подчеркнуть, что криминальная субкультура привлекательна для подростковой среды в связи с возрастными особенностями и ее отчуждением от официальной культуры. А транслируемые через средства массовой информации, практически одобряемые образцы криминального поведения значительно усугубляют это влияние.

Основу криминальной субкультуры составляют чуждые гражданскому обществу ценности, нормы, традиции, различные ритуалы, стили обще-

ния. Ее социальный вред заключается в том, что она уродливо социализирует личность, стимулирует ее противоправное поведение и является механизмом «воспроизводства» преступности в молодежной среде, а психологический вред – это провоцирование отклонений в характеристиках общения, специфическое восприятие себя, других людей и мира в целом.

В данном контексте можно отметить следующие особенности криминальной субкультуры: попрание прав личности, выражающееся в агрессивном, жестоком и циничном отношении к «чужим», слабым и беззащитным; отсутствие чувства сострадания к людям, в том числе и к «своим», нечестность и двуличие в отношении «чужих»; паразитизм, эксплуатация «низов», глумление над ними; обесценивание человеческого труда; поощрение низменных инстинктов и любых форм асоциального поведения.

Эмпирические признаки (критерии) степени сформированности и действенности криминальной субкультуры в молодежной среде учебного заведения, населенного пункта, могут быть представлены в следующей классификации:

Признаки, характеризующие межгрупповые отношения и групповую иерархию

- Наличие в учреждении враждующих между собой группировок и конфликтов между ними.
- Жестокая межгрупповая стратификация с делением людей на «чужих» и «своих», а «своих» – на касты.
- Наличие разнообразных привилегий для «элиты».
- Распространенность ритуалов, «прописки» новичков.

Признаки, характеризующие отношение к слабым, к «низам» и «отверженным»

- Факт появления «отверженных» («неприкасаемых»).
- Клеймение вещей и предметов, которыми должны пользоваться только «неприкасаемые».
- Подверженность «отверженных» поборам и вымогательству.
- Распространение специальных способов понижения социального статуса.
- Распространенность симуляции болезней и членовредительства среди «низов».

Признаки, характеризующие отношение к режиму и воспитательной работе

- Групповые нарушения режима учреждения и неповиновение.
- Групповые побеги, уход из дома, бродяжничество.
- Уклонение «авторитетов» от «грязных» работ.
- Уклонение от учебных занятий, собраний, воспитательных мероприятий.

- Отказ от работы в официальном активе и двурушничество.
- Проявление актов вандализма.
Признаки, характеризующие проведение свободного времени
- Распространение азартных игр.
- Распространение тюремных способов досуга, сочинение тюремной лирики и изготовление тюремных поделок.
- Групповое употребление токсических и наркотических веществ,
- Распространение употребления чифирия.
Признаки, характеризующие способы общения, опознания и связи
- Наличие кличек как средства стигматизации.
- Распространенность татуировок как знаковой системы общения, опознания «своих» и стигматизации.
- Распространение уголовного жаргона и других способов общения, принятых в уголовной среде.

Эти критерии могут помочь психологам, социальным педагогам, родителям оценить криминальность субкультуры в молодежной среде образовательного учреждения, с одной стороны, а с другой, являются внешними признаками деформации личности.

Таким образом, можно отметить, что ценности и атрибутика контркультурного неформалитета и криминальной субкультуры создаются с максимальным учетом возрастных особенностей подростков и юношей, что делает их привлекательными. Анализ собственного опыта работы с молодежью и обобщение исследований (к сожалению, немногочисленных) в русле данной проблематики позволяют выделить психологические причины и некоторые механизмы влияния девиантных групп на личность как в неформальной молодежной контркультуре, так и в криминальной субкультуре

1. Нормы и ценности субкультуры *максимально учитывают психические состояния возрастного одиночества подростков* как одного из важнейших элементов кризиса идентичности, поиска своего «Я». Одиноким среди взрослых и законопослушных, а также среди слабо сплоченных групп сверстников, лишенный всесторонней защиты от притязаний окружающих, включаясь в криминальную или асоциальную группу, подросток немедленно приобретает физическую, психологическую, моральную и материальную защиту от тех, кто в эту группу не входит. Это коренным образом меняет его самочувствие и формирует уверенность, что никому из «чужих» не удастся его обидеть и притеснить.
2. Включаясь в контркультуру, субкультуру с ее нормами и ценностями, несовершеннолетний получает *широкое поле для самоутверждения, самореализации своего «Я» и компенсации неудач (комплекса неполноценности), которые постигли его в обществе*. Здесь его ни-

кто не упрекает за получаемые на уроках двойки, пропуск занятий и т. п. В преступной среде максимально реализуется стремление подростка к самостоятельности («выбиться в люди»); поскольку занять соответствующую ступень в уголовной иерархии можно, опираясь только на собственные силы и способности, ни родители ни «связи» обычной среды здесь не помогут.

3. В таких сообществах не существует двойной морали (официальной и неофициальной). Поэтому, как ни странно, нормы и ценности контркультуры подросткам кажутся наиболее справедливыми, истинными, благородными. Действительно: дал слово – держи, сел играть в карты – играй честно, имеешь долг – вовремя верни, что добыл преступным путем – все отдай в «общий котел» и т. п. А нарушил правило – пеняй на себя: кара последует немедленная и беспощадная.
4. Сам процесс общения и деятельности оказывается для несовершеннолетнего привлекательным, поскольку включает элементы социального и физического риска, осуществляется в самых разнообразных экстремальных ситуациях; окрашен ореолом романтики, таинственности и необычности. А в законопослушной среде подростка со всех сторон окружают физические, моральные и психологические барьеры: того делать нельзя – опасно для жизни, этого делать нельзя – неприемлемо для окружающих, и т. п.
5. В данной среде сняты все моральные ограничения, так «стесняющие» поведение и общение подростка в законопослушном обществе. Зато сформирована своя мораль, более доходчивая и убедительная. При этом отсутствуют запреты на любую информацию, прежде всего – интимную. Если учесть, что это возраст полового созревания, то лишение в официальном обществе подростков этой информации – своеобразное преступление перед ними.
6. Ценности и нормы контркультуры способны быстро распространяться в молодежной среде, поскольку подростки и юношество бьются увлечены их внешне бросающимися атрибутами и символикой, эмоциональной насыщенностью норм, правил, ритуалов. Все подростки стремятся выделиться из общей среды одеждой, различными символами (в виде наклеек, наклейек, брелков, серег, колец и т. п.). Главное здесь в том, что они им не навязаны, а изобретены самими подростками, и тем для них дороги и привлекательны.

Молодежная контркультура, в том числе и криминальная – реальный феномен. Ее ценности являются важными регуляторами индивидуального поведения, обладают высочайшей степенью референтности для молодых людей в силу действия механизмов подражания. Влияние ее на общение и мировосприятие молодого человека бесспорно.

Снизить социальный и психологический вред такого воздействия – одна из задач системы образования. Помощь в ее решении может оказать психологический анализ. Основным событием отрочества является «второе, экзистенциальное рождение души». Оказавшись в ситуации экзистенциального конфликта и переживая заброшенность, страх и одиночество, подросток, юноша начинают «решать задачу на смысле», т. е. искать смысл своего существования, строить собственную систему координат. Максимализм, глобальность мышления, особенности взгляда на мир проявляются в том, что мнения, высказанные под влиянием чувств, принимаются за суждения; суждения отдельно взятого человека принимаются за нормы жизни в обществе; события, происходящие в социальной сфере, переносятся в духовную, на их основе молодой человек стремится создать универсальную теорию бытия – таковы основные особенности развития в данном возрастном периоде.

В. Франкл считал, что для того чтобы те или иные ценности стали видимыми, необходимо «определенное субъективное состояние» [2]. Субъективное же состояние подростка препятствует тому, чтобы он открылся миру с его смыслами и ценностями – слишком подросток поглощен тем, что происходит с ним самим. Таким образом, можно предположить, что ситуации, происходящие в социальной сфере, подросток переживает на духовном уровне как экзистенциальные проблемы. Выйти из экзистенциального конфликта подросток пытается путем обретения смысла собственного существования.

Вероятно что молодой человек пытается удовлетворить потребности духовной сферы, замещая их удовлетворением потребностей той сферы, где у него есть наиболее позитивный опыт. Например, может сделать смыслом жизни и системой координат свои сексуальные успехи либо эмоциональную жизнь, либо успех в социальной сфере. Что происходит, если он получает отрицательный опыт в сфере, которая стала для него смыслом жизни и системой координат? Можно полагать, что он переживает состояние экзистенциальной фрустрации – невозможности обрести смысл собственного существования. Как выйти из этого состояния? Можно попытаться создать новую систему координат, освоив другую сферу своей жизни, – это позитивный выход, т. е. происходит изменение субъективного состояния, при котором те или иные ценности станут «видимыми» молодому человеку.

Но возможен и другой вариант, когда во всех сферах жизни (телесной, эмоциональной, когнитивной, социальной и духовной) у человека есть негативный опыт, а общество не способствует приобретению позитивного. В данном случае возникшее состояние фрустрации может привести к тому, что юноша откажется «решать задачу на смысл»,

произойдет «регресс к принципу удовольствия» (по В. Франку), уход в иллюзорно-компенсаторную деятельность либо переживание бессмысленности собственного существования, актуализируется переживание одиночества, беспомощности, страха. Это негативный выход, последствия которого эксплуатируются контркультурой, девиантными группами. Создатели тоталитарных культов и экстремистских группировок выступают как хорошие практические психологи.

Задача социального мира – помочь подростку и юноше пойти по позитивному пути.

После вопроса «Кто виноват?» полагается ответить на вопрос «Что делать?». Задача данной публикации – призвать психологическое сообщество и социальные структуры к необходимости совместного поиска ответов, прежде всего, на последний вопрос.

В рамках психологической компетентности, ответ таков – необходимо обеспечивать психологическую безопасность социальной среды как необходимое условие позитивного психического развития человека. В созданной и апробированной концепции психологической безопасности образовательной среды выделены следующие показатели: референтная значимость среды; удовлетворенность потребности в личностно-доверительном общении и психологическая защищенность от насилия. Предполагаются психологические технологии по их созданию.

«Волшебного» простого рецепта для решения столь сложной проблемы нет. Она требует комплексного подхода: соединения научных, практических и организационных усилий. Среда, не обеспечивающая защищенность, пораженная насилием, будет подталкивать человека к поиску других «сред своего обитания». Это может быть «пассивный уход» – отказ ребенка включаться в жизнь образовательной среды, где он не чувствует себя в безопасности. Это может быть «активный уход» – побег из дома, из семейной среды, где ребенок подвергается насилию (наличие «армии беспризорных детей» в стране, где не идут военные действия, страшное тому доказательство). Это может быть «трагический уход» – суицид, который среди молодых людей, по данным статистики, растет.

Подводя итоги, отметим

1. Мероприятия по помощи в социализации подростков эффективны только в соединении с грамотным, системным психологическим сопровождением, игнорирование психологических законов возрастного развития может иметь серьезные социальные последствия. Если сегодня мы можем говорить о рисках и перспективах развития молодого поколения, то опасность завтрашнего дня – риск для позитивного развития социального сообщества в целом.
2. Необходимы масштабные социологические и социально-психологические исследования по проблемам подростков и молодежи. Уже

сегодня есть данные, которые позволяют утверждать, что картина мира, сутью которого является насилие, складывающаяся в голове у подрастающего поколения, воспринимается как норма.

3. Необходимо внедрение практических программ, обеспечивающих безопасность подростковой субкультуры. Психологические аспекты безопасности в данных программах должны выступать как системообразующие, направленные на обеспечение психологической безопасности личности, понимаемой как способность сопротивляться негативным воздействиям социальной среды, интегрирующей позитивный психологический ресурс.

Стратегия молодежной политики должна распространяться на более ранние этапы жизненного пути взрослого человека и иметь преемственность с воспитательной и психологической поддержкой на предшествующих этапах онтогенеза.

Литература

1. *Фельдштейн Д. И.* Глубинные изменения современного Детства и обусловленная ими актуализация психолого-педагогических проблем развития образования // Вестник практической психологии образования. № 1 (26). 2011. С. 45–55.
2. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. – М., 1990.

К. Н. Поливанова

Изменение детства: проверка гипотезы

Все мы понимаем, что современное детство существенно отличается от того, которое помним мы сами. Основные «каналы социализации» – семья и школа – претерпевают существенные изменения («креолизируются»). Например, процент детей, проживающих с двумя родителями, снизился в США с 85 до 67 % в период с 1970 по 2009 г., проживающих с одной матерью – увеличился с 11 до 23 %, до 4 % выросло число детей, живущих с отцом, столько же – без родителей (с другими членами семьи). Из всех домохозяйств только 50,8 % составляют женатые пары, но среди них безусловное большинство – 28,3 % от общего числа, составляют семьи без детей. В других странах эти цифры несколько отличаются, что, однако, не меняют общей картины^{3,4}.

³ Здесь и ниже использованы данные из баз данных официальных информационных порталов США. www.census.gov, www.childtrendsdatabank.org, www.nces.ed.gov. По всем использованным в тексте численным значениям приводится точный адрес электронного ресурса.

⁴ [Электронный ресурс] – режим доступа <http://www.census.gov/compendia/statab/2010/tables/10s1302.pdf>.